

ДВА АКТЕРА

ПУБЛИКА стремится к театру. И, как я замечаю, главным образом на актеров. На мой взгляд, сейчас именно актеры держат театр на своих плечах. И пьеса может быть так себе, и режиссер на сей раз не удивил. Но актеры!..

Московские театры полны превосходными актерами. Не всем удается показывать себя часто и во весь рост. Не их вина. Мешают обстоятельства, о которых сейчас не буду говорить, потому что хочу сказать о другом.

Когда-то давным-давно в пору своей ранней юности я видел братьев Адельгейм, великих гастролеров, приехавших в тот год в город Кострому. Я уже любил театр, видел на сцене Костромского театра немало любимцев публики, даже к тому времени был сражен навсегда спектаклями Художественного театра «Шоколадный солдатик» Б. Шоу, «Слуга двух господ» К. Гольдони, разыгранными юными студийцами — будущими народными артистами Советского Союза на самой древней сцене страны в городе Ярославле...

И вот начинается спектакль. Идет «Казнь» Г. Ге. В заглавной роли Роберт Адельгейм. До

его выхода на сцену все убого, беспомощно, невероятно бедно, разве сравнишь с костромскими спектаклями! Но вот появляется Годд — Адельгейм. Что-то инородное — непривычное, непонятное. Пожалуй, выпендренное. Но по мере развития действия Адельгейм властью своего таланта завораживает меня, захватывает и уносит с собой в лучистую высь, куда взбираются только такие могучие дарования. Я вышел со спектакля одухотворенный, счастливый, полный неизъясимой радости, как видите, незабываемой навсегда.

Итак, будем говорить слова благодарности актерам. На днях я видел в спектакле «Наполеон I» в Театре на Малой Бронной Ольгу Яковлеву и Михаила Ульянова. Михаила Ульянова и Ольгу Яковлеву.

Пьеса Фердинанда Брукнера, на мой взгляд, — весьма средних достоинств, да и историческая ценность ее невелика. Но в жизни театра немало примеров, когда великолепные актеры помогали поднять даже очень слабую пьесу, если в ней были заложены человеческие характеры, черты незаурядных натур. Вспомним М. Савину, В. Комиссаржевскую, В. Давыдова.

...Наполеон — император, но ему и этого мало. Торжествующее над всеми «Я» требует

пищи своему величеству. Остановиться — значит начать меркнуть. Меркнуть его славе. Поистине, как говорили древние, самое сильное опьянение — опьянение властью. И он, Наполеон, одержим идеей престолонаследия — чтоб уже не только он владел Францией и полумиром, но и род его. Да, да, инстинкт самосохранения проявляется не только в выживании своей личности, но сеет семя для новых своих побегов.

В неустойчивости всегда кроется зародыш гибели, теряется чувство реальности. Уши не слышат голоса разума, хотя этот разум, это чутье не раз спасали, они и сейчас рядом.

Жозефина. Чутье женщины, особенно любящей женщины, поразительно. Куда там чутью самого осторожного зверя!

На сцене две исключительные натуры. Сколь безумна одна, столь же одержима другая. Но примитивные чувства все же торжествуют над более тонкими и сложными. Первые идут напролом, вторые ищут пути.

Ульянов — Наполеон с первой же сцены именно одержим, идет именно напролом к своей цели. Нет, он не изменяет Жозефине,

не перестает любить, — он жертвует ею. И именно оттого, что он любит Жозефину, разрыв с нею приобретает истинно драматический и драматургический характер. Он и весел, как ребенок, и нежен, как влюбленный юноша, и упрям, как буйвол, и наивен, как слон перед ребенком. И к чему только не прибегает Жозефина—Яковлева, чтобы сбегать Наполеона. И не только для себя, для него самого и от самого же его — весь арсенал женщины, да еще женщины выдающегося ума!..

А Яковлева всегда поразительно играет женщин... ну, чтобы не обидеть других наших талантливых актрис, скажем, женщин определенного склада — тонкого ума, трепещущего нерва, чувственности — Яковлева исполняет их, можно сказать, уникально. А в Жозефине — глядишь не нагладись! И хотя перед тобой разыгрывается драма покидаемой женщины, ты, как это ни парадоксально, в восторге от этой драмы, наслаждаешься ею. Может, и плачешь, но наслаждаешься. Это театр!

Это особость чувств зрителя: плакать и наслаждаться, смеяться в гнезде.

Крупные сцены особенно хороши в спектакле. Ульянов в сцене заседания совета так убеждает своей идеей, что не слышит и не видит решительно никого. Это не диалог, это монолог. Ульянов — актер сильнейшего темперамента, и, пожалуй, в этой сцене все у него направлено на то, чтобы свой ураган чувств удерживать волевым усилием.

Должен еще сказать, Ульянов чрезвычайно органично овладел внешним обликом своего персонажа. Все позы, в которых художники запечатлели на картинах Наполеона, схвачены Ульяновым и сделаны своими: и сжатые на груди руки, и твердо ставленная на возвышение нога, и крепко сцепленные пальцы рук за спиной в моменты сильного волнения. Актер не изображает персонажа — он им является. И шнел он носит по-наполеоновски.

В гриме не похож. Даже кажется, что грима нет. Но странно: если при первом появлении Ульянова внешне его несходство с героем отмечашь сразу, то по мере развития действия он все более и более приобретает портретное сходство с оригиналом. Видимо, происходит это за счет внутренней убедительности образа. Ну поразительно он похож на Наполеона уже в середине спектакля.

Ульянов не разоблачает своего героя, он дает его таким, каким изобразил автор. И оттого в конце спектакля после поразения его войск в России, в сценах крушения и падения величия,

в сцене отречения от престола я вдруг почувствовал сострадание. Может быть, оттого, что одной из причин этого падения была цепь предательства, а предателей, как известно, Данте поместил в самой глубине ада — в девятом его кругу. Предатели столь мерзки в своей сути, что всегда высвечивают свои жертвы. Честно признаюсь, у меня даже слезы навернулись на глаза при виде мятущегося, уже беспомощного Бонапарта, хотя я никогда не симпатизировал узурпаторам. Видимо, здесь сыграло роль не мое отношение к исторической личности, а просто сочувствие жертве.

Блестяще проводит Яковлева — Жозефина сцену со своей соперницей — польской графиней Вавеской. У Флобера я вычитал такую фразу: полюбить, женщина способна на все — и на величайшую подлость, и на величайший героизм. В сцене с Вавеской Жозефина—Яковлева совмещает и то, и другое. Чтоб склонить Вавескую к обману, какие только дьявольские ходы мысли не изобретает Жозефина. Но ведь в театре дело не только в том, что происходит на сцене, а важнее всего — как, и актер именно в этом и кроется. Что происходит, уже написано автором, это можно просто прочесть. Искусство театра в другом. Одно дело — Отелло иг-

рает, допустим, Остужев или Лоренс Оливье, другое — заурядный актер... Но разве можно это пересказать! Даже Белинский, описывая игру Мочалова в роли Гамлета, прибежал неоднократно к восклицаниям, междометиям.

Нужно именно видеть Ольгу Яковлеву в этой роли в этой сцене. Я смотрел спектакль дважды и восхищался то нежной, то злой, то вкрадливой, то властной интонацией ее голоса, ее движениями, мимикой, выражением глаз. Виртуозно! Это и плод труда, и свобода творчества.

Взаимопонимание двух наших прекрасных актеров составляет особую прелесть. Конечно же, роль постановщика спектакля Анатолия Эфроса немалая, но вот тот счастливый случай, когда режиссер растворился в этих актерах.

К сожалению, вторые сюжеты (так говорили в старину) выглядят в спектакле не столь ярко. Пожалуй, только маршал Бертье выразителен в исполнении И. Кастреля.

Я уже, кажется, писал когда-то, что зритель покупает билет в театр для присутствия при чуде. При чуде творческого акта. И лично для меня его совершали на сцене Ольга Яковлева и Михаил Ульянов.

Виктор РОЗОВ.